

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

XI

**межвузовская
научная
конференция
студентов-филологов**

ТЕЗИСЫ

Часть 4

7–11 апреля 2008 г.

Санкт-Петербург

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

Ответственный редактор

Н. А. Федорова

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-14050г.

© Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета, 2008

Длительная история создания романа определяет ключевое положение формалистской концепции динамического героя для данной работы [Тынянов, 1965: 27]. Письма Гончарова¹ и ряд философских замечаний [Флоренский, 1993: 70; Лотман, 1992: 8] отсылают к психологической стороне имени, изучение которой закономерно в свете писательской установки [Краснощекова, 1997: 13–14, 18]. Понимая имена широко [Пеньковский, 2004: 313], мы рассматриваем их в комплексе с отчествами и фамилиями, на информативность которых указывают ученые-лингвисты [Старостин, 1978: 36].

Фонический уровень текста важен ввиду его синтетической природы и связи звукового строя с внутренним миром человека [Воронин, 1982: 87, 89], изображаемым в нем. Восприимчивые к эмоциональному напряжению контекста имена образуют консонантные повторы и вовлекают тем самым в идейную структуру романа свои этимологические варианты. Возникает символическая игра смыслов, уже продемонстрировано на имени Бориса Райского [Молнар, 2004: 112], символизируемом и символизирующем.

Это взаимодействие, поддерживаемое социальной природой имени [Лосев, 1993; Лосев, 1999], охватывает центр и периферию системы имен, связанных в сюжет имплицитно, за счет различных компонентных соответствий. Соотнесение имен с близким контекстом, мотивным рядом и (ассоциативно) друг с другом позволяет выявить специфику и роль каждого из них в романе, как было показано в работе о женских номинациях [Козубовская, 2004]. Так соединяются Логос и Интуиция, равно значимые для самого Гончарова.

Литература

- Воронин, 1982 – Воронин С. Основы фоносемантики. Л., 1982.
Козубская, 2004 – Козубовская Г. Женские имена в романе Гончарова «Обрыв» и их коды // Поэтика имени. Барнаул, 2004.
Краснощекова, 1997 – Краснощекова Е. Гончаров: Мир творчества. М., 1997.
Лосев, 1993 – Лосев А. Вещь и имя // Лосев А. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
Лосев, 1999 – Лосев А. Философия имени // Лосев А. Самое само: Сочинения. М., 1999.
Лотман, 1992 – Лотман Ю. О динамике культуры // Семиотика и история: Тр. по знаковым системам. 25. Тарту, 1992.
Молнар, 2004 – Молнар А. Поэтика романов Гончарова. М., 2004.
Пеньковский, 2004 – Пеньковский А. Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Пеньковский А. Очерки по русской семантике. М., 2004.
Старостин, 1978 – Старостин Б. Некоторые методологические проблемы теории собственных имен // Имя нарицательное и собственное. М., 1978.
Тынянов, 1965 – Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965.
Флоренский, 1993 – Флоренский П. Имена. М., 1993.

Вячеслав Сергеевич Малых (Удмуртский ГУ)

Философия Огня в художественной системе Н.С. Гумилева

Цель настоящего исследования состоит в выявлении философского смысла мифологемы «Огонь» в творчестве Н.С. Гумилева. Изучение философского аспекта указанной мифологемы составляет актуальность данной работы. Новизна ее определяется тем, что решение этой проблемы осуществляется с помощью предлагаемого нами культурологического метода, направленного на комплексное восприятие художественной

¹ И.А. Гончаров – С.А. Никитенко: «С той самой минуты, когда я начал писать для печати (мне уже было за 30 лет и были опыты), у меня был один артистический идеал: это – изображение честной, доброй, симпатичной натуры, в высшей степени идеалиста, всю жизнь борющегося, ищущего правды, встречающего ложь на каждом шагу, обманывающегося и, наконец, окончательно охлаждающегося и впадающего в апатию и бессилие от сознания слабости своей и чужой, то есть вообще человеческой натуры. Та же идея была у меня, когда я задумывал Райского, и если б я мог исполнить ее, тогда бы увидели в Райском и мои серьезные стороны» (Гончаров И.А. Собр. соч: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 361).

системы поэта и выявление духовной преемственности в его текстах. Важная роль отводится и биографическому контексту, столь значимому для понимания творчества Гумилева [Иванов, 1990: 14].

Философское наполнение мифологемы «Огонь» неодинаково реализуется на различных этапах творческой эволюции поэта. Так, в раннем творчестве (период до 1914–1915 гг.) она участвует в создании образа главного героя, т. е. имеет смысл мужского творческого начала, и в этом отношении противопоставлена мифологеме «Лед», организующей образ героини в рамках мотива любви-противоборства. Помимо этого, обращению Гумилева к данным мифологемам в раннем творчестве присущ достаточно декоративный характер (ср. стихотворение «Огонь» 1905 г.).

В более позднем творчестве реализуется тенденция к объединению двух начал (начиная с раннего стихотворения «Андрогин») и усложнению философского осмысления мифологемы «Огонь», что отражается на этом этапе в двух мотивах:

1) мотив очищающего Огня, сопутствующий комплексу раскаяния, свойственному позднему творчеству Гумилева. Этот мотив находит отражение в военной лирике поэта и достигает апогея в сб. «Огненный столп» (стихотворения «Память», «У цыган» и др.);

2) мотив творческого Огня, генетически связанный с первометафорой «поэзия – Огонь» [Кельтская мифология, 2002: 61]. Наиболее частотным в этом случае является сравнение поэзии с Огнем или просто упоминание о них как о равнозначных вещах.

Таким образом, мифологема «Огонь» значима для всего творчества Гумилева. Глубокий же философский смысл формируется не сразу, и лишь в лирике эпохи «Огненного столпа» можно говорить о рождении философии Огня, определившей мировоззрение поэта.

Литература

Иванов, 1990 – Иванов В.В. Звездная вспышка: Поэтический мир Н.С. Гумилева. // Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1990.
Кельтская мифология, 2002 – Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2002.

Екатерина Евгеньевна Носова (СПбГУ)

«Сказание о Макарии Римском» (методологические вопросы изучения)

«Сказание о Макарии Римском» – переводной славяно-русский апокриф, известный на Руси еще в домонгольскую эпоху. Сказание было создано на византийской почве примерно в VI–X вв., когда легенда о Макарии, бытовавшая, по-видимому, в устной форме, принимает более литературный характер. Таким образом, греческий текст апокрифа можно отнести к христианскому периоду. «Сказание» является контаминацией двух сюжетов – жития старца Макария и рассказа о путешествии (Хождении) трех иноков Сергия, Феофила и Угина в поисках земногорая.

Многие апокрифы близки по своим сюжетам и форме к устным, фольклорным сочинениям, или имеют в письменной традиции фольклорную обработку. Они находятся как бы на границе между устной и письменной (книжной) культурами. Анализ древнерусского текста *Хождения по 8 различным спискам* показывает, что данный сюжет тоже восходит к фольклору и отражает дохристианские мифологические представления. Это отметил еще в конце XIX в. А.Н. Веселовский при изучении чудес в тексте *Хождения трех иноков* и их сопоставлении с чудесами, описанными Псевдокаллистоном в «Александрии» в письме Александра Македонского к Олимпиаде и Аристотелю. Ученый пришел к выводу, что чудеса в *Хождении трех иноков* были заимствованы из «Александрии», но здесь они получили христианскую окраску, что привлекло в состав рассказа новые подробности.

По нашему мнению, завязка и сюжет *Хождения* являются чуждыми для христианского мировосприятия, но при ближайшем рассмотрении можно увидеть их связь с волшебной сказкой. Опираясь на это, нами был предпринят разбор сюжета *Хождения по*